

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

издаваемая подѣ редакцію Секретаря Общества.

Томъ III.

1880—1882 годъ.

В. И. Л. ОТЕКА
Научно-исслед. института
языка, лит-ры и ис-рии

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1884.

4316

ЖС 2
4
5-10 2016

+

ИЗЪ ПОЕЗДКИ ВЪ СЕЛО ШУМАТОВО,

Ядринскаго уѣзда Казанской губ.

(Курганы. Киремети. Жертвенныя приношенія „киреметямъ“ и „покойникамъ“. Покинутыя кладбища. Очувашившіеся черемисы. Повѣрья. Нарядъ чувашекъ. Дѣтскія куклы. Чувашскія слова, не вошедшія въ словарь Н. И. Золотвицкаго).

Члена-сотрудника *В. К. Магнитскаго*.

Минувшимъ лѣтомъ первую половину августа мѣсяца мнѣ довелось прожить въ чувашскомъ селѣ Шуматовѣ, Ядринскаго уѣзда. Уѣзжая въ это село изъ Казани (гдѣ оканчивалось печатаніе собранныхъ мною „Матеріаловъ къ объясненію старой чувашской вѣры“, Казань. 1881 года), я имѣлъ въ виду: 1) пополнить имѣвшіяся у меня свѣдѣнія о курганахъ и покинутыхъ кладбищахъ, находящихся въ приходѣ села Шуматова и 2) составить списокъ названій урочищъ, извѣстныхъ подъ именемъ „киреметъ“, съ описаніемъ ихъ топографіи и жертвенныхъ приношеній въ честь живущихъ па нихъ „духовъ“. Жившій лѣтомъ въ Казани извѣстный путешественникъ по Монголіи Г. Н. Потанинъ, кромѣ того, снабдилъ меня составленной имъ „Программой вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у сибирскихъ инородцевъ. Спб. 1881 г.“. Но я, къ сожалѣнію, время поѣздки выбралъ неудачно: народъ—чуваша были заняты жнитвомъ, пашней и сѣвомъ, и потому вступать съ ними въ разговоръ по поводу интересовавшихъ меня вопросовъ я имѣлъ мало случаевъ; къ тому же почти во все время моего пребыванія въ Шуматовѣ перепадали дожди. Тѣмъ не менѣе я успѣлъ посѣтить нѣсколько „киреметей“ и

отыскать два мѣста, гдѣ чуваши поминаютъ своихъ покойниковъ.

Самая замѣчательная въ топографическомъ отношеніи „киреметь“ въ Шуматовскомъ приходѣ — на „курганѣ“, въ пахотномъ полѣ, принадлежащемъ чувашамъ дер. Вапъжиной, въ 2-хъ верстахъ отъ села Шуматова на югъ. Мѣстность эта, примыкающая къ полямъ приходской дер. Орданъ, считается въ Ядринскомъ уѣздѣ одной изъ самыхъ возвышенныхъ⁽¹⁾. Описаніе находящагося въ ней „кургана“ было составлено мной еще въ 1873 году, подъ заглавіемъ: „Археологическія достопримѣчательности въ приходѣ села Шуматова, Ядринскаго уѣзда“; въ томъ же году оно было прочитано на бывшемъ въ Казани Съѣздѣ Естествоиспытателей и предназначено къ напечатанію, но рукопись утратилась. Прочитавъ послѣ того въ книгѣ С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи (Казань. 1877 г.)“ ссылку на эту рукопись (стр. 529), я, по сохранившейся у меня черновой наброскѣ, составилъ новое описаніе для Казанскаго Общества Археологій, Истории и Этнографіи; но и оно не дошло до Общества. Поэтому я позволю себѣ въ настоящее время изложить все, что мнѣ извѣстно о данномъ урочищѣ. Въ утратившихся рукописяхъ я говорилъ только объ одномъ курганѣ въ этой мѣстности, именно о томъ, который считается „киреметью“; другой же, находящійся отъ киремети въ 80 шагахъ на западъ, на краю полевой (для провоза сноповъ) дороги, считалъ простымъ бугоркомъ, или, какъ называютъ ихъ чуваши.—түмескэ. Чтобы остановиться на томъ или другомъ предположеніи, я, во время осмотра киремети, спросилъ жавшаго неподалеку отъ бугорка чувашина: какъ по ихнему называются такіе бугорки? и онъ мнѣ неожиданно отвѣтилъ: Олып туңры!—что по русски значитъ: „великапова земля“,—а такъ чуваши называютъ „курганы“. Этотъ второй курганъ имѣетъ въ окружности около 50 шаговъ, вышины онъ едва ли болѣе аршина; по формѣ—плоскій овалъ. Курганъ „киреметь“—въ окружности 100 шаговъ, вышиною не менѣе сажени, съ ровнымъ оваломъ

(1) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Казанская губернія. Составилъ М. Лаптевъ. Свѣд. 1861 г. стр. 41.—Село Шуматова и его приходъ. Каз. Губ. Вѣд. 1870 г. №№ 63 и 68.

на все стороны; на южной сторонѣ край его, на пространстве аршина, запаханъ; съ сѣверо-западной стороны къ этому кургану примыкаетъ небольшая луговина, въ концѣ кося рстетъ чахлая береза. Въ 50-хъ годахъ этотъ курганъ весь покрытъ былъ разнородными кустами; въ 1873 же году и мипувшимъ лѣтомъ—я нашелъ на немъ только три чахлыхъ кустика.

Описанное урочище извѣстно у чувашъ подь именемъ *илдым тырбак* (¹). *Илдым* по чувашски—золото, слова же *тырбак* въ корневомъ чувашско-русскомъ словарѣ Н. И. Золотницкаго нѣтъ, и мнѣ въ Шуматовѣ значенія его никто сказать не могъ; посѣтившій же меня въ Казани священникъ—чувашенинъ села Старыхъ Шигалей, Цивильскаго уѣзда, Г. Ф. Филиповъ, ученикъ и сотрудникъ Н. И. Золотницкаго—объявилъ, что въ словѣ *тырбак*, для созвучія, по особому закону чувашскаго говора, переставлены звуки, что взятое отдѣльно оно будетъ *тцирак*, а это слово по чувашски и по татарски значить—земля, пыль, розсыпь (²). вмѣстѣ же съ *илдым*—золотая розсыпь, земля, содержащая золото. Несомнѣнно, что у чувашъ есть и сказанія объ этомъ урочищѣ; но они мнѣ неизвѣстны.

Мѣстомъ мольбищъ и склада жертвенныхъ приношеній Киремети на этомъ урочищѣ служатъ: большой курганъ, упомянутая береза и растущая на сѣверъ отъ нихъ, шагахъ во 100, на межѣ двухъ загоновъ, старая лѣсная яблоня. Въ 1873 году я нашелъ на этомъ урочищѣ, кромѣ значительнаго количества „похратокъ“ (жестяные кружечки), лежавшихъ—частью открыто на землѣ у стволовъ деревь, частью—завернутыми въ лоскутки оберточной бумаги,—нѣсколько повыхъ круглыхъ холщевыхъ обрѣзковъ. Обрѣзки эти оказались вырѣзками отъ рубашекъ для шеи, какъ я узналъ тогда,—изъ вновь початаго холста. Вырѣзки эти приносятся въ жертву Киремети женщинами и дѣвушками, причемъ онѣ просятъ Киреметь объ урожаѣ льна и конопли. Все похищенное мной тогда у Киремети я тогда же препроводилъ въ

(¹) Точно также называется въ сосѣдномъ Балдаевскомъ (Сугут) приходѣ, близъ дер. Югутъ, киреметь—роща пзъ дуба и березы.

(²) Корневой чувашско-русскій словарь Н. И. Золотницкаго. Казань, 1875 г., стр. 86.

И. Рус. Геогр. Общество. Минувшимъ лѣтомъ, на тѣхъ же мѣстахъ, мнѣ удалось набрать только нѣсколько похратокъ. Впрочемъ, ѣздившая со мной въ киреметь маленькая племянница нашла подъ яблоней 1 к. сер. Отецъ мой (священникъ) между прочимъ сообщилъ мнѣ, что разъ зимою вечеромъ, возвращаясь изъ приходской деревни домой мимо этого урочища, онъ видѣлъ, какъ молившійся у яблони неузнанный имъ чувашенинъ, по окончаніи моленья, опрометью бросился отъ яблони на стоявшіе неподалеку запряженные сани и, нахлыстывая лошадь, помчался какъ будто отъ преслѣдующей его погони. Отъ дороги, идущей изъ села Шуматова въ приходскія деревни Юманай и Теньгеши—урочище находится не далѣе 15-ти сажель, въ лѣво; по правую сторону дороги начинается оврагъ, идущій подъ деревню Ванькину и извѣстный подъ названіемъ *кивъ зѳрт сирми*—оврагъ стараго жилища.

Узнавъ здѣсь отъ жнецовъ—чувашъ о существованіи кургана и киремети подъ деревней Новые Тицъгеши, я тотъ часъ же отправился туда,—тѣмъ болѣе, что ранѣе слышалъ о существованіи подъ этой деревней двухъ кургановъ. На западъ отъ Тицъгешъ, на правомъ ровномъ берегу рѣчки Вылы, на самомъ краю, противъ устья впадающей въ нее слѣва рѣчки Иорбаша (1)—я и дѣйствительно нашелъ огромный

(1) Въ печатныхъ источникахъ неправильно называется Арбашка. Между прочимъ на «Хозяйственной картѣ Ядринскаго уѣзда», приложенной къ ст. П. Вечезлава: «Экономическія бытъ крестьянъ Казанской губерніи. Статья 1-я, уѣздъ Ядринскій» (Труды Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета Вып. 1 и 2-й, 1870), показано три рч. Арбашки: Большая, Малая и просто Арбашка. Прежде всего—эти различія мѣстнымъ жителямъ совершенно неизвѣстны. Далѣе: на томъ мѣстѣ, гдѣ показана на картѣ Малая Арбашка, въ дѣйствительности течетъ незначашаяся на картѣ рѣчка *Пурдась*, начинающаяся у деревни Ордашь и впадающая въ р. Вылу справа, выше рч. Иорбашъ, протекающей подлѣ села Хочашева, на лѣв. берегу р. Вылы.—Иорбашъ, вытекающій изъ подъ дер. Исмендеръ, впадаетъ въ Вылу выше Пурдась. Третій—нижній Иорбашъ, протекающій подъ селомъ Шуматовымъ, беретъ начало не за этимъ селомъ, а у околodka *Ой кассы* дер. Япасаль и до села Шуматова дважды пересекаетъ ядринско-цвильскіи коммерческіи трактъ, причемъ на этомъ протяженіи принимаетъ въ себя справа непоказанный на картѣ притокъ Наржау. Притокъ его слѣва, показанный на картѣ, въ дѣйствительности

сплюснутый овалъ, вышиною не менѣе сажень трехъ, а въ окружности въ нѣсколько десятковъ сажень; но оная, несомнѣнно, естественная геологическая выпуклость. Этотъ бугоръ извѣстенъ у чувашъ подъ названіемъ „Хирь дип киреметь“—киреметь сухой берегъ или край. На глубинѣ сажень двухъ—въ немъ обнаруживается известъ, добывавшаяся между прочимъ на постройку только что оконченныхъ каменныхъ церквей въ селахъ Шуматовѣ и Шумшевашахъ. Вслѣдствіе этого жившая на „Хирь дип Киреметь“, какъ выразился мнѣ иронически одинъ молодой чувашпшъ—*таре*—убѣжала. Ранѣе же, до постройки упомянутыхъ церквей, на бугрѣ чуваша приносили жертвы Киремети и оставляли на немъ деньги. Приѣзжавшій на дняхъ въ Казань чувашенинъ деревни Ванькиной, Яковъ Никитинъ, сообщилъ мнѣ о происхожденіи „Хирь дипъ“ слѣдующее сказаніе. Сорокъ дѣвушекъ заманили къ себѣ молодаго парня и предложили ему право супружества на нихъ. Парень согласился, по осуществить это право заразъ со всѣми по порядку оказался безсильнымъ. За это дѣвушки засыпали его живьемъ землей: на этомъ мѣстѣ и возникъ Хирь дипъ. Къ сожалѣнію, для болѣе обстоятельнаго распроса, была самая неблагоприятная обстановка.

Другой круглый бугорокъ, на томъ же берегу рч. Вылы, и напелъ версты нѣдвѣ ниже Хирь дип, пасупротивъ деревни Симек кассы (пишется—ок. Семикеевъ села Хочашева). Этотъ бугорокъ оказался кучей песку, обросшей травой. Кромѣ „тѹ мексе“,—у жителей названной деревни опъ не носить никакого спеціального названія.

Третій курганъ, извѣстный и у чувашъ подъ именемъ „олыш тупры“,—я увидаль случайно, во время прогулки на такъ

называется не *Сунаръ*, а *Пугу*, что по русски значить — дуга. Ниже Пугу, съ той же стороны, впадаетъ въ Шуматовскія Йорбашъ рч. *Шошальчар*, также не показанная на картѣ.—По поводу названія Йорбашъ—П. П. Золотницкій въ одномъ изъ писемъ сообщилъ мнѣ: «Въ ст. о Шуматовскомъ приходѣ въ рѣчку *Ербаш* произзели отъ *йор*—сплѣтъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что мелкія рѣчки у чувашъ—*сырма*ры *шузам*—называются болѣе по мѣстности; по этому *ер* есть ничто иное, какъ тюркское (т. е. старо-чувашское, а оно же русское—*ир*, кругой берегъ=ныпѣш. чуваш. *сыр* (а отъ него *сырма*); а *баш*—татар. *башы*, такъ что Ербашъ=ныпѣш. чувашскому *сырма позе* — вершина оврага».

называемую „большую дорогу“ (Ядринско-Цивильскій коммерческій трактъ). Этотъ курганъ находится въ 2 верстахъ отъ села Шуматова и въ $\frac{1}{4}$ персты отъ „Старой деревни“ (Йорбанъ сьом), на сѣверъ отъ того и другой, подлѣ самаго тракта, въ концѣ загона, въ углу между южнымъ краемъ тракта и проселочною дорогою изъ „Старой“ деревни въ „Новую“ (Вурман-гае⁴). Такъ какъ на курганѣ былъ несжатый овесъ, то измѣрить окружность его шагами я не рѣшился; глазомѣрно же—вышиною онъ не больше аршина, шириною въ діаметрѣ около сажени; форма его—овальная.

Четвертый курганъ, по рассказамъ, находится саженьяхъ въ 200-хъ на юго-востокъ отъ околodka „Курдэ кассы“ деревни Янасалъ, у межи, въ пахатномъ полѣ, подлѣ проселочной дороги изъ названнаго околodka въ „Сѣмѣуртъ кассы“, Чувашско-Сорминскаго прихода. Свѣдѣнія объ этомъ курганѣ мнѣ сообщилъ грамотный чувашинъ дер. Янасалъ В. П. Никольскій, служившій техникомъ при Ядринской земской управѣ.

Имъ же сообщены мнѣ свѣдѣнія о слѣдующихъ киреметяхъ:

1) „Хорын босъ“—вершина березы; такъ называется разнородный кустарникъ въ полверстѣ на югъ отъ околodka Кобырля дер. Янасалъ (1).

2) „Пыллыхъ“—кустарникъ на востокъ отъ Кобырля, саженьяхъ во 100 отъ Хорын-босъ. Название урочища—пыллыхъ, по мнѣнію Е. А. Малова, созвучно съ арабскими словами: а) **فلاح** (фелахъ)—счастье, успѣхъ; спасеніе, убѣжище; **فلاح** **على**—идите къ спасенію, т. е. въ мечеть; б) **فلك** (фелекъ) множ. **افلاك**—небо, фортуна, судьба (2).

3) „Кивъ зортъ“—старое ~~жплище~~ кустарникъ въ полверстѣ на юго-востокъ, отъ Кобырля.

4) „Сар’дванъ“—вязъ на горкѣ, на выгонѣ, въ 200-хъ саженьяхъ на сѣверо-востокъ отъ Кобырля. Что значитъ названіе урочища—неизвѣстно. Значеніе приставки „сар“ въ концѣ словъ Н. И. Золотницкій объяснилъ въ своемъ сло-

(1) Дер. Янасалъ состоитъ изъ 11-ти околодковъ.

(2) Киреметь съ именемъ «пыллыхъ» есть еще близъ дер. Саревой (Сар яль), Балдаевского прихода.

варѣ; относительно же этой приставки въ началѣ слова въ названіи кириметей—опѣ пришесть къ необходимости обратиться къ особому изслѣдованію ⁽¹⁾, котораго за смертью не сдѣлать. Е. А. Маловъ сообщилъ мнѣ, что по персидски: 1) سر (аръ)—голова, старшина, دیوان (дуванъ) - бекъ или старшина, сер - дуванъ = главный старшина; 2) سرا (сера), سرای (серай)—дворъ, домъ, *дузан - серай*—сенатъ, высшее присутственное мѣсто. Урочище Сар'дван приходится на землѣ жителей ок. Кобырля, но молиться сюда приходятъ и жители ок. Рыковкина.

5) „Шушкиллих“—орѣшникъ, иначе „Ишука“ или „Шука карды“—задній дворъ, загорода Ишука; кустарникъ, въ полверстѣ на югъ отъ ок. Васькина (Вась кассы), въ вершинѣ овражка, по которому запружены пруды (карасьники). Околодокъ Вась кассы считается въ Янасалахъ самымъ древнимъ. Въ 40-хъ годахъ при немъ была огромная священная киреметь—осиновая роца. Разъ бурей повалило въ роцѣ до 700 деревьевъ и Шуматовское духовенство тайно вывозило ихъ для отопленія въ теченіи двухъ лѣтъ.

6) „Мун курезе“—большая лопата } Мысы по берегу рѣ-

7) „Кизинь курезе“—малая лопата } ки Иорбаша.

8) „Хызылды кереметь“—задняя киреметь; роца, въ полверстѣ на сѣверо-востокъ отъ дер. Кильдишъ. Самая роца извѣстна подъ названіемъ Мигаковой, по имени владѣвшаго ею чувашина.

9) „Шинерь“—обильная или веселая мѣстность ⁽²⁾; дубовый лѣсокъ на правомъ берегу рѣки Нордаша, между притокомъ его Наржау и урочищемъ Сядыргү.

10) „Хора ду“—черная гора; склонъ праваго берега рѣки Иорбаша, противъ дер. Анат-Сунаръ; по горѣ до послѣдняго времени росла осиновая роца.

11) „Сядыргү киреметь“—хворостовая киреметь; дубовые и березовые кусты на мысу, на сѣвномъ берегу суходола, начинающагося отъ озера Сьуда куль—свѣтлое озеро—въ Тораевскомъ приходѣ и выходящаго на правый берегъ рѣки

(1) Кор. чув. рус. сл... стр. 260.

(2) Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгарь, Виларь и Морквашъ, П. И. Зологницкаго.

Иорбаша, позади Солдатской Слободки (Салдак Павыл вырыл). Пониже этой киремети, въ долу, находится мостикъ изъ товкихъ жердей, извѣстный подъ названіемъ „вильни сын киберн“—мостъ жертвенныхъ людей. Такое названіе, по преданію, онъ получилъ отъ того, что въ этомъ мѣстѣ разбойники прятали убитыхъ ими людей, покрывая ихъ сверху хворостомъ (сядырга); отъ этого слова киреметь и носить свое названіе.

12) „Херле сыр“—красная земля⁽¹⁾; такъ называется правая сторона оврага, при которомъ расположена дер. Анат-Супарь; по ней, начиная отъ гумепъ на югъ, растутъ одиночно березы, осины и частію дубъ. За цѣлостью деревь до послѣдняго времени наблюдаетъ чувашенинъ, живущій вверху по оврагу крайнимъ.

Относительно урочищъ, извѣстныхъ у чувашъ съ именемъ „киреметь“, я прихожу къ убѣжденію, что они—далеко не всѣ мѣстожителство самой Киремети; въ дѣйствительности большая часть такихъ урочищъ—просто „неприкосновенное“ или „святое мѣсто“; на нихъ чувашни молятся и оставляютъ свои жертвенныя приношенія Киремети въ тѣхъ только случаяхъ, когда имъ нѣтъ времени ѣхать въ мѣстопробыванія самой Киремети. На такихъ урочищахъ живетъ только „духъ жертвъ“—„Чукъ“, котораго чуваше также просятъ въ молитвахъ о помилованіи: „Чукъ сырлах“—духъ жертвы, помилуй!⁽²⁾.

Въ Шуматовскомъ приходѣ складочнымъ и передаточнымъ мѣстомъ жертвенныхъ приношеній служить также ядринско-цивильскій торговый трактъ, или, по мѣстному названію, „большая дорога“, по чувашски—„мун сьол“. Наибольшую часть „нохратокъ“, представленныхъ мной въ музей Общества, я собралъ подъ березами на тракту; пройдясь по этому послѣднему, во время прогулки, около версты, я не встрѣтилъ ни одной березы, подъ которой не было бы похратокъ. Кладутся похратки здѣсь только по правую сторону тракта, считая направленіе отъ г. Ядрипа къ Цивильску.

⁽¹⁾ Матеріалы къ объясненію «старой чувашской вѣры». Казань. 1881 г.

⁽²⁾ О чувашахъ. Протоіер. Еве. Малова. Прав. Собесѣд. 1882 г., январь, стр. 55.

Въ теченіи 13 лѣтней жизни въ Чебоксарскомъ уѣздѣ — мнѣ не одну сотню разъ довелось проѣзжать идущими чрезъ этотъ уѣздъ цивильско-свіяжскимъ коммерческимъ и московскимъ почтовыми трактами; по въ этомъ уѣздѣ только на первыхъ порахъ моей жизни мнѣ удалось разъ найти пять крупныхъ нохратокъ, на третьей верстѣ отъ Вороповой Слободки, на Московскомъ трактѣ, по направленію въ Казань, и также на правой сторонѣ, — а именно 3 апрѣля 1864 г., какъ это оказалось у меня записаннымъ.

Въ дѣтствѣ мнѣ дважды доводилось находить копѣчныя восковыя свѣчи, въ пучкахъ соломы, на зимнихъ вѣхахъ по проселочнымъ дорогамъ, — разъ въ Шуматовскомъ приходѣ, въ послѣднихъ числахъ марта, и въ другой разъ — зимой, не знаю близъ какой деревни Козмодемьянкаго уѣзда, между селами Ишлеями (Пихтулино, Покровское) и Акрамовымъ; въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, кромѣ свѣчей, я нашель на спѣгу, у вѣхъ, нѣсколько кусочковъ чернаго хлѣба и блиновъ, попавшихъ сюда конечно не случайно.

Для выясненія — что именно разумѣютъ чуваши подъ именемъ „киреть“, я имѣлъ въ виду распросить: чѣмъ руководствуются они при выборѣ мѣсть для своихъ шаманскихъ молбищъ, — но къ этому не представилось случая. Вопросъ этотъ интересоваль меня и потому, что на Съѣздѣ Естествоиспытателей въ Казани, въ 1873 году, по прочтеніи моей затерявшейся рукописи, Н. И. Золотницкій высказаль, какъ видно изъ протокола засѣданія Съѣзда, будто „при мѣстахъ шаманскихъ жертвоприношеній чувашъ не встрѣчается никакихъ укрѣпленій“. Пользуясь настоящимъ случаемъ, я позволю заявить на основаніи имѣющихся у меня свѣдѣній объ урочищахъ — киретяхъ въ Чебоксарскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ, что мѣста тайныхъ шаманскихъ молбищъ приурочиваются къ городищамъ и къ курганамъ, особенно же къ покинутымъ кладбищамъ (киве сьува) и жилищамъ (киве зѣрт). Нагляднымъ опроверженіемъ мнѣнія Н. И. Золотницкаго можетъ служить въ Чебоксарскомъ уѣздѣ киреть на городищѣ подъ деревней Шымалахъ, извѣстномъ у чувашъ подъ названіемъ „хола дуй“⁽¹⁾, что, по объясненію Н. И. Золотницкаго, значить „укрѣпленная гора“.

(1) Древние города... С. М. Шилевскаго. Стр. 520.

Киреметями въ настоящее время называются и тѣ мѣста, на которыхъ ранѣ чуваша совершали публичныя общественныя моленья въ честь верховнаго Бога объ урожаяхъ и дождяхъ.

Въ Шуматовскомъ приходѣ чуваша на мѣстныхъ урочищахъ—киреметяхъ молятся и приносятъ жертвы между прочимъ: 1) въ честь *Торханди Киреметь—Киреметь* (= святой?) *Тарханъ* и 2) *Сорым Киреметь*—киреметь Сорма; изъ нихъ первая находится гдѣ-то близъ села Оточева, а вторая въ чувашско—Сорминскомъ приходѣ. Какія именно они чтятъ подъ именами Торханди и Сорымъ,—я не успѣлъ допытаться. О Сормиской киремети, впрочемъ, имѣется слѣдующая легенда, сообщенная мной еще въ 1866 году. „... Когда Пугачевъ съ своей шайкой былъ окруженъ русскими войсками, то одинъ изъ его генераловъ (по выраженію чувашъ) успѣлъ убѣжать и, прискакавъ въ лѣсъ близъ села Чувашской Сормы, остановился и сказалъ: пусть будетъ здѣсь Киреметь и пусть чуваша меня почитаютъ. На этомъ мѣстѣ генераль былъ схваченъ и повѣшенъ на березѣ. Лошадь у него была сивая, а узда и подковы серебряныя“⁽¹⁾.

Сорымъ киреметь есть еще: 1) въ Балдаевскомъ приходѣ, близъ дер. Перьсиранъ, на рч. Гремячѣ—притокъ справа р. Суры—у такъ называемой Соколовской мельницы, и 2) въ Цивильскомъ уѣздѣ, гдѣ въ честь ея у чувашъ этого уѣзда и нѣкоторыхъ деревень Чебоксарскаго уѣзда бываетъ особый праздникъ⁽²⁾.

Изъ жертвенныхъ приношеній киреметямъ мнѣ удалось пріобрѣсти только: 1) Свыше 200 нохратокъ, 2) двѣ тухланки и 3) маленькіи холщевый лоскутокъ съ прилипшими къ нему: хмѣлемъ, мукой, льнянымъ и конопляннымъ семенемъ, крупой, рожью и овсомъ,—неболѣ щепоти каждаго продукта. Нохратками (араб. *нухрат*—серебряныя деньги⁽³⁾) называются кружечки, сдѣланныя изъ бѣлой жести и листовой мѣди, а тухланками—такіе же кружечки, сдѣланныя изъ олова; изъ нихъ заслуживаютъ предпочтительнаго вниманія тухланки, потому что на лицевой ихъ сторонѣ имѣется

(1) Запѣтка о Пугачевскомъ бунтѣ. Казан. Губер. Вѣдом. 1866 г. № 16.

(2) Матер. къ объясн. стар. чув. вѣр.. Стр. 9 и 10.

(3) Кор. чув. рус. сл. стр. 45.

изображеніе въ видѣ древесной вѣтки, а на оборотной— неразобранная мной надпись русскими печатными буквами; въ тому же онѣ попадаются рѣдко. Представленные экземпляры тухланокъ—одного только малаго размѣра; въ дѣтствѣ же мнѣ доводилось находить тухланки величиною въ серебряный пятакъ, а нахратки—изъ чистаго серебра, и притомъ только малаго размѣра. Одна изъ представленныхъ тухланокъ найдена мной у одиночно стоящей трехствольной липы, подлѣ дороги изъ деревни Кильдишъ въ Янасалы, и другая—при селѣ Шуматовѣ, также у одиночно растущей одноствольной липы, близъ дороги изъ села Шуматова въ деревню Анат-Сунаръ. Около этой послѣдней липы мной найденъ и лоскутокъ съ сельско-хозяйственными продуктами. Я допытывался названіи этихъ урочищъ, но—безуспѣшно. Одинъ чувашинъ изъ дер. Кильдишъ сообщилъ мнѣ, что когда онѣ держалъ чувашскую вѣру, то у трехствольной липы оставлялъ жертвенныя приношенія въ честь Сорымъ киреметь (дѣлалъ онѣ это въ тѣхъ случаяхъ, когда ему по домашнимъ обстоятельствамъ не было времени ѣхать въ мѣсто пребыванія самой киремети) и что урочище не носитъ никакого названія. Онѣ же говорилъ, что лоскутки съ сельско-хозяйственными продуктами приносятся въ жертву въ честь Торханди женщинами, вышедшими въ замужество изъ того прихода, въ которомъ эта киреметь живетъ. Тухланки и нохратки приносятся въ жертву киреметямъ вмѣсто настоящихъ денегъ, при чемъ сдѣланныя изъ жести замѣняютъ серебряныя, а мѣдныя—золото. Обманъ этотъ практикуется потому, что *йомзи*, угадывающіе, какая именно киреметь заломала чувашина, назначаютъ для умилостивленія ея такую сумму, какой иной чувашинъ не можетъ имѣть во всю свою жизнь.

Что любопытно это то, что въ послѣднее время и Киремети стали попивать водочку, иначе сказать—требовать себѣ въ жертву, устами йомзей, вино. И при этомъ йомзи, для непоколебимости своего авторитета, назначаютъ въ жертву киреметямъ сразу такую дозу вина, какую чувашинъ не въ состояніи купить; напр. преподнести четвертей 12-ть. На самомъ дѣлѣ выполняется это такъ. Беретъ чувашинъ пустую четвертную бутылъ, идетъ съ ней въ питейный и смущенно начинаетъ просить сидѣльца отпустить ему 12-ть шкаликовъ, но только изъ разныхъ посуды, а что онѣ будетъ дѣ-

лать—не смотрѣть. Понятно, со стороны сидѣльца отказа въ просьбѣ не бываетъ. И вотъ сидѣлецъ начинаетъ подавать чувашину шкалики, а онъ, вливая ихъ въ бутылъ, приговариваетъ: „вотъ тебѣ, кириметь, четверть; помилуй! Вотъ тебѣ другая“ и т. д. Упомянутый Кильдишевскій чувашинъ передавалъ мнѣ, что вино въ честь киреметей распивается самими покупателями у себя на дому; сопутствовавшей же меня на Слуда—кѣль, показавъ мнѣ мѣстонахождение Шинеръ—киреметь, сказалъ, что на этомъ урочищѣ его пріятель, русскій солдатскій сынъ, недавно нашелъ полштофъ водки и живую курицу. Водку онъ тутъ же за здоровье киремети выпилъ, а курицу унесъ домой. По словамъ перваго разказчика, киремети стали требовать себѣ въ жертво вино потому, что приносимыя имъ въ жертву деньги у нихъ воруютъ.

Учитель—чувашинъ, дьяконъ села Абызова Ядринскаго уѣзда, Митрофанъ Дмитріевъ, въ письмѣ 23 марта 1876 г. сообщалъ Н. И. Золотницкому еще о слѣдующемъ видѣ жертвенныхъ приношеній чувашъ: „Еще не могъ добиться толку, что такое? На дняхъ ученики мои ходили по полю,—собирали кереметныя деньги; около одного пенька увидали изъ дерева сдѣланныхъ семь лошадей—стоятъ кругъ пенька—и одни санишки; лошади привязаны къ столбу; на столбѣ поставлена новая деревянная столовая чашка; въ чашкѣ семь ложекъ новѣйшихъ. Принесли они мнѣ въ училище. Что значить—незнаю“.

Одинаковую роль съ киреметями въ быту чувашъ играютъ „покойники“; и они, какъ и киремети, напускаютъ на чувашъ болѣзни и похищаютъ у нихъ домашній скотъ для пропитанія себя,—если ихъ родственники сами недогадываются накормить ихъ, устройвъ въ честь ихъ поминки. Въ подтвержденіе этого, я приведу слѣдующій случай, бывшій 3 мая 1875 г. въ чувашской деревнѣ Кугеевой (Чинге кассы), Чебоксарскаго уѣзда. Одинъ, только что женившійся чувашинъ, наѣвшійся яшки (супъ, щи), принесенной ему молодой женой къ обѣду въ поле на пашню, вскорѣ почувствовалъ головокруженіе, затѣмъ началась съ нимъ рвота и прекратилась лишь послѣ того, какъ онъ, едва добравшись до

дому, отдалъ Богу душу. На другой день послѣ его смерти, близъ того мѣста, гдѣ онъ пахаль и гдѣ его начало рвать, была найдена мертвою неизвѣстно чья собака, а у его сосѣдки, подѣ насѣдомъ, двѣ мертвыя курицы. Отсюда возникло подозрѣніе въ отравленіи, въ которомъ жена умершаго, послѣ вскрытія его трупа, и созналась. Допрашивая передѣ вскрытіемъ трупа хозяйку куриць, я между прочимъ спросилъ ее: какъ она думаетъ, отъ чего померли ея курицы?—„Ани тытны (мать взяла)!“—неожиданно отвѣтила она мнѣ скороговоркой. Непонявъ значенія такого отвѣта, я спросилъ: какъ именно мать взяла?—„Вотъ видишь-ли, разъяснила она мнѣ, спала я въ сѣняхъ, какъ разъ противъ куринаго насѣда; когда я, проснувшись утромъ, увидала, что двѣ курицы подѣ насѣдомъ валяются мертвыми, то подумала, что ихъ ночью взяла мать (свекровь), умершая на страстной недѣлѣ,— за то, что и видно въ день ея похоронъ для поминокъ мало напекла „хыймаллу“ (нѣчто въ родѣ ватрушекъ)“.... Мнѣ даже думается, что давно умершіе-то покойники, игравшіе при жизни среди чувашъ какую-либо выдающуюся роль,—и есть, по понятію чувашъ, киреметь⁽¹⁾. Данные въ подтвержденіе этого я имѣю въ виду со временемъ представить Обществу въ особомъ сообщеніи. Теперь же приведу лишь слѣдующій фактъ, въ паралель къ извлеченному изъ письма М. Дмитріева. Въ Атикскомъ приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда, въ верстѣ отъ села Атикова (Пурмасть), находится старинное кладбище съ сохраняющимися на немъ двумя надгробными камнями съ высѣченными па нихъ татарскими надписями; извѣстно оно у чувашъ подѣ названіемъ „сичъкас музаре“—кладбище семи деревень. Подѣ

(1) Авторъ рукописи, принадлежащей Л. А. Износкову: «Свѣдѣнія, собранныя Ксенофонтомъ Соловьевымъ (грамотный чувашинъ села Шемердянь, изобрѣтатель нѣсколькихъ земледѣльческихъ орудій)» высказалъ слѣдующее воззрѣніе о киремети: «Замѣчательно то, что киремети занимаютъ такія мѣста, гдѣ много водныхъ источниковъ, мѣста топныя и болотистыя. Изъ этого я заключаю, что чуваша поклоняются не дереву, а мѣсту, гдѣ дерево растетъ быстро и благотворно. Слѣдовательно ихъ почитаніе идетъ болѣе водѣ, какъ элементу, благопріятствующему растительной жизни. На вопросъ мой: какъ люди могли знать, что киремети живутъ именно на указанныхъ мѣстахъ?—отвѣтили, что деревья хорошо (сильно) растутъ: «Йивысь хватла сидивать».

однимъ изъ камней, по рассказамъ чувашъ, погребенъ чувашинъ, славившійся при жизни колдовствомъ и называвшійся за свое искусство „азаймись“. Душа этого колдуна (киреметъ), обитающая на кладбищѣ, и до сихъ поръ недаетъ чувашамъ покою: поражаетъ ихъ главною болѣзною, вообще—за что-то ненавидигъ ихъ и ихъ скотину. Для умилоствленія этого-то колдуна киремети, по сообщенію мѣстнаго учителя И. Е. Горбунова, „чуваша пускаютъ на кладбище живыхъ утокъ и куръ, иногда запряженныхъ въ маленькія телѣжки или санки съ посаженными въ нихъ куклами“.

Всѣ извѣстные мнѣ обряды чествованія чувашами „покойниковъ“ вошли въ мои „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры“ (Каз. 1881). Вызвѣвшись сдѣлать сообщеніе Обществу о томъ же предметѣ, я на самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду сказать только нѣсколько словъ о значеніи представленныхъ мною въ Музей Общества одноножнаго столика и кухонной посуды, употребляемыхъ при поминкахъ.

О столикѣ и посудѣ, употребляемыхъ при поминкахъ въ Шуматовскомъ приходѣ, говорится и въ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры“ (стр. 184—185); но, оказалось, я придалъ имъ не совсѣмъ то значеніе, какое они имѣютъ въ дѣйствительности: я полагалъ, что за столиками чуваша поминаютъ покойниковъ во время общихъ годовыхъ поминокъ и именно весной, передъ Пасхой; изъ разспросовъ же минувшимъ лѣтомъ выяснилось, что столики дѣлаются одновременно съ гробомъ для покойника, притомъ—доска для столика выбирается непременно изъ обрѣзковъ гробовыхъ досокъ, а подставка—дѣлается изъ того дерева, изъ котораго была сдѣлана поперечинка въ гробу въ предупрежденіе затаскиванія покойниками рукъ въ ротъ, что влечетъ за собою смерть живымъ людямъ и даже кончину міра⁽¹⁾. Размѣръ столиковъ назначаютъ передъ смертю сами покойники: бѣдняки завѣщаютъ сдѣлать для нихъ столикъ поменьше, богачи—пошире. Поминки за столиками устраиваются чрезъ нѣсколько дней по погребеніи покойника. Начинаются они на дому, а оканчиваются въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ,—за околицей, въ оврагѣ. Въ этомъ послѣд-

(1) Матер. къ объясн. ст. чув. вѣры, стр. 162.

немъ выбирается такое мѣсто, гдѣ сочилась-бы вода. Несомнѣнно, что вода имѣетъ при этомъ какое-то символическое значеніе, но я, къ сожалѣнію, распросить объ этомъ упустилъ изъ виду; въ дневникѣ у меня записано только, что душа покойника по смерти три дня купается въ водѣ и что при умирающемъ чуваши ставится вода. Близъ того мѣста, гдѣ въ оврагѣ ставится столикъ, черезъ воду устраивается „мостъ“, — кладется поперекъ жердочка и вѣшается „парня“ (подарокъ) изъ мелкихъ холщевыхъ лоскутьевъ. Этихъ предметовъ найти мнѣ не удалось.

Приносимая въ оврагъ кухонная посуда оставляется въ немъ для употребленія ее покойникомъ въ загробной жизни. Въ представленной въ Музей кадочкѣ или, по мѣстному названію, „чирясѣ“ приносится пиво, а въ чашкахъ и блюдахъ — каша и блины. Сверхъ того покойнику дается ковшичекъ для питья пива. Для приноса пива берется та кадочка (чирясъ), которою черпалась вода для обмыванія покойника; остальная же посуда выбирается изъ той, что намъ самимъ „негоже“ (негодится). По окончаніи поминокъ, посуда въ оврагѣ разбивается для того, чтобы жадные люди, соблазнившись чужимъ добромъ, не воспользовались имъ. Если же это случится, то покойники одолѣютъ своихъ живыхъ родственниковъ надоѣдливымъ плачемъ о томъ, что ихъ люди обидѣли, что имъ не изъ чего ѣсть и пить.

Представленный экземпляръ столика найденъ мною на верхнемъ концѣ села Шуматова, въ околлицѣ за гумнами, а кухонная посуда — подъ Старой Деревней. Здѣсь я нашелъ и еще шесть столиковъ, но такъ какъ они не представляли никакихъ особенностей, то я ихъ незялъ. Все взятое мной подъ Старой Деревней валялось въ грязи, на днѣ заброшеннаго пруда, гдѣ, видимо, и совершаются поминки.

Кладбищъ, на которыхъ погребались чуваши Шуматовскаго прихода до обращенія ихъ въ христіанство, въ приходѣ, по разпросамъ, оказывается два. Одно изъ нихъ находится въ верстахъ двухъ отъ Шуматова, на юго-востокъ, на берегу суходола, идущаго изъ подъ деревни Верхнихъ Снаръ, пониже осиновои рощи и называется „суювольи ой“ — кладбищенское поле; другое — на югъ отъ перваго, саженьхъ въ 400-хъ отъ деревни Кильдишъ на юго-востокъ, подлѣ дороги изъ этой деревни въ деревню Янасаль и называется „ача сјуви“, что значить, если принимать на-

звание въ современномъ значеніи—дѣтское кладбище. Первое кладбище обращено жителями села въ пахотное поле и признакомъ бывшаго здѣсь кладбища служатъ валяющіяся по краю суходола выпаханныя кости; на второмъ же признакомъ кладбища я ни какихъ не папелъ, кромѣ, какъ мнѣ и говорили, небольшого незапаханнаго уголка земли, между дорогой и межей загона, поросшаго кустарникомъ, въ томъ числѣ черемухой. Уголокъ этотъ непахивается потому, что на немъ находится киреметь.

Съ именемъ *ача сьуди*, говорили мнѣ, находится кладбище еще на югъ отъ деревни Испуганъ, сосѣдняго Шумшевашскаго прихода.

Въ заключеніе приведу изъ дневника, веденнаго мной въ Шуматовѣ, нѣсколько отрывочныхъ сказаній, обрядовъ, повѣрій, примѣтъ и словъ, не вошедшихъ въ корневой чувашско-русскій словарь Н. И. Золотницкаго.

1) О существованіи древнихъ Болгаръ, жившихъ на Волгѣ, чуваша знаютъ и называютъ ихъ по своему въ ядрипскомъ и чистопольскомъ уѣздахъ *Пошкырт* (сообщилъ учитель—чувашинъ деревни Анатъ—Сунаръ П. Дмитріевъ, служившій учителемъ въ Атлашкинской школѣ Братства Св. Гурія, Чистопольскаго уѣзда). Въ словарь Н. И. Золотницкаго (стр. 203) говорится, что Пушкырт—чувашское названіе Башкирь. Съ именемъ *Пошкырт*, *Пошкырды*—есть чувашская деревня въ козмодемьянскомъ уѣздѣ, близъ границы ядринскаго уѣзда.

2) Шуматовскіе чуваша называютъ сосѣдніе съ ними приходы—ядринской и чиганарскіи (Чыган-ар=тат. чыккан јир—страна, изъ которой вышли ⁽¹⁾), населенные чувашами,—„черемисской стороной“. Это, кажется, подтверждается и историческими актами. Въ оберегательной, на примѣръ, грамотѣ 1673 года октября 1 дня, данной отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича воеводѣ г. Ядрина Ѳедору Семеновичу Готовцеву, говорится, что она дана „по челобитной черемиски деревни Ядрины (нынѣ село Ядрино?) Есбайковы жены Сетички, чтобы черемиску Сетичку отъ ядринскихъ, и отъ козмодемьянскихъ, и отъ чебоксарскихъ и отъ всякихъ чиновъ людей оберегать, чтобы ей ни отъ кого напрас-

(¹) Ливгв. замѣт.... Н. И. Золотницкаго, стр. 11.

ныхъ продажъ и убытковъ безъ суда и безъ сыску небыло“ (1). Въ виду этихъ данныхъ, я сталъ допытываться, не имѣютъ ли чуваша названныхъ приходоѡ какихъ—либо особенностей въ говорѣ, чуждыхъ говору шуматовскихъ чувашъ? Сообщившій мнѣ свѣдѣнія о кириметяхъ В. Н. Никольскій, не разъ бывавшій въ селѣ Ядринѣ по званію техника, сообщилъ мнѣ, что ядринскіе чуваша употребляютъ много такимъ словъ, которыя шуматовскимъ совершенно непонятны. Отецъ мой, служившій первые 9 лѣтъ своего священства въ селѣ Ядринѣ, припомнилъ, что въ селѣ Ядрипѣ чуваша напр. говорятъ:

Йорза бар—замѣси (скотинѣ), а въ с. Шуматовѣ—пугратса бар.

Йинэръчек—поперечникъ у сѣделки, въ с. Шуматовѣ,—оргалых.

Варабы—воробей, въ с. Шуматовѣ—сала кайык.

Сестры мои обратили мое вниманіе на то, что чувашки, вышедшія въ замужество въ шуматовскій приходъ изъ ядринскаго, свѣшиваютъ на спину и затыкаютъ запоясъ оба конца „сарпана“ (головная повязка) какъ черемиски въ козмодемьянскомъ уѣздѣ, а шуматовскія—только одинъ конецъ, и что вышивки на сарпанахъ у первыхъ имѣютъ иныя особенности, чѣмъ у вторыхъ.

3) На свадьбахъ лице, подводящее молодымъ, по приѣздѣ ихъ отъ вѣнца, въ подарокъ лошадь—одѣвается нарочно въ изорванный кафтанъ и подпоясывается лыкомъ. Въ Абызовскомъ приходѣ этотъ обрядъ называется *таянчик тыттарас* (2).

4) Въ Калым кон (3) женскій полъ заготавливаетъ на цѣлый годъ кисточки для нарядовъ, по чувашски—*морка*. (Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ тѣ же кисточки называются *яраба*. Экземпляръ „яраба“ былъ представленъ мной 1874 году въ бывшій Отдѣлъ Антропологии и Этнографіи при Казанскомъ Обществѣ Естествоиспытателей, причемъ онъ въ протоколѣ засѣданія Общества ошибочно названъ: „свадебный нарядъ“: въ дѣйствительности же яраба носятъ парни на поясахъ во

(1) Казан. Губерв. Вѣд. 1852 г. № 52.

(2) Матеріалы къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 204.

(3) Тамъ же, стр. 103—108.

всякое время; имъ дарятъ ихъ сестры и постороннія знакомыя дѣвушки).

5) Волкъ, когда Богъ не назначить ему въ пищу никакое животное, питается вѣтромъ или же собираетъ по дорогамъ гнилые лапти и грызетъ ихъ.

6) Самый большой и опасный змѣй — *ырыслэнь*; отъ укуса его никто не можетъ убѣжать. Разъ одинъ человѣкъ ѣхалъ верхомъ съ пещюромъ за спиной; увидѣвъ ырыслэня, онъ тотчасъ же нахлысталъ лошадь, но, какъ ни шибко мчался на ней—ырыслэнь догналъ его, ударился о пещюрь и прошибъ его. Къ счастью этого человѣка въ пещюрь былъ у него горячій хлѣбъ, только что вынутый изъ печи; ырыслэнь обжогся и умеръ, а человѣкъ спасся отъ смерти. Русскіе, въ селѣ Бѣловолжскомъ Чебоксарскаго уѣзда, такою же змѣю называютъ „полозъ“.

7) *Сьуда кѹль* (свѣтлое озеро) ⁽¹⁾, по словамъ моего спутника на это озеро, перенеслось на теперешнее мѣсто съ поля подъ деревней Ар'замасъ сосѣдняго Чемеевского прихода. Случилось это, когда дѣдушкѣ разказчика было 12 лѣтъ (а дѣдъ его умеръ въ 1844 году 65-ти лѣтъ отъ роду). Перелетъ озера—разказывалъ спутникъ со словъ своего дѣда—совершился такъ. Сначала появился надъ деревней Ар'замасъ густой туманъ и стоялъ три дня, потомъ поднялся вѣтеръ и погналъ туманъ. Когда туманъ дошелъ до того мѣста, гдѣ теперь озеро—ранѣе тутъ было небольшое болото—вдругъ изъ него упала на болото девяти—аршинная рыба. Рыбу эту долго никто не трогалъ, даже собаки. Но вотъ откуда-то прилетѣли какія-то птицы, и рыбу разклевали; когда люди узнали объ этомъ, то сильно обрадовались. Такое же озеро—продолжалъ разказчикъ—есть еще.... я, къ сожалѣнію, забылъ записать гдѣ именно, но только въ ядринскомъ же уѣздѣ, на югъ отъ Шуматовскаго прихода. Въ этомъ другомъ озерѣ часто всплываютъ на верхъ доски разбившихся въ моряхъ кораблей, иногда съ надписями ихъ названій. Въ Сьуда кѹль живетъ духъ, котораго окрестные жители боятся. Благодаря этому духу, грязная вешняя вода, стекающая въ озеро съ окружающихъ его пахотныхъ полей, на средину озера никогда не заходитъ, а

(1) Село Шуматово и его приходъ. Казан. Губ. Вѣдом. 1870 г. № 63 и 68.

бѣжить къ выходу по краямъ озера. Между прочимъ жители вѣрятъ, что, если лёдъ на Сьуда кѣль весной опустится на дно, то будетъ плохой урожай хлѣбовъ; если же растаетъ плаваля по верху—хорошій.

Изъ *примѣтъ* мною записаны еще слѣдующія:

1) Сѣвъ хлѣбовъ въ Шуматовскомъ приходѣ не начинаютъ чуваша до рожденія новой луны. Въ деревнѣ Анатъ Сунаръ сверхъ того не начинаютъ сѣвъ въ тотъ день, въ какой былъ праздникъ Благовѣщенія.

2) Во время ущерба луны негодится: 1) золить холсты и 2) садить въ огородахъ овощи. Садить овощи не годится также послѣ „поворота“, въ июнѣ мѣсяцѣ.

3) Весенній сѣвъ начинаютъ съ того времени, какъ начнеть пѣть птичка „Витрѣнь Турры“—русскаго названія незнаю, а озимовый—когда по пашнѣ начнутъ прыгать кобылки (шырчык).

4) Производить сѣвъ въ самый полдень, а также выѣзжать или начинать другое какое—либо дѣло въ это самое время—считается неблагополучіемъ. Для убѣдительности рассказывается такой случай. Разъ одинъ черемисинъ сѣялъ и все смотрѣлъ на солнце. Послѣ оказалось, что посѣянное имъ до полдень уродилось хорошо, а въ самый полдень—плохо. Поэтому чуваша Шуматовскаго прихода въ земледѣліи стараются во всемъ подражать черемисамъ козьмодемьянскаго уѣзда, съ которыми они видятся во время своихъ поѣздокъ въ г. Козьмодемьянскъ (въ 60 верстахъ отъ села Шуматова) съ мукой для продажи. Въ самое недавнее время „апайки“ (женскій полъ), въ подражаніе черемискамъ, стали зимой поголовно новязываться шалями и платками, взамѣнъ прежнихъ высокихъ шапокъ на подобіе митръ.

Для музея *Общества* изъ нарядовъ чувашекъ или, какъ ихъ въ селахъ русскіе называютъ, апакекъ, я прибрѣлъ:

1) Двѣ „сара“. Соотвѣтствующаго русскаго названія этому наряду нѣтъ. Надѣвается на поясъ сзади, вдоль обѣихъ ягодиць. Покрой—старинный; нынѣшнія дѣлаются и уже и короче. Носятъ и женщины и дѣвушки. Ц. 20 к. сер.

2) Одну „пыси тупры“—кисточку. Носится на поясѣ на правомъ боку. Парни на этомъ мѣстѣ носятъ морка = яраба. Цѣна 25 к. сер.

3) Одинъ „хурэ“ = хвостъ—кисть. Подвязывается сзади въ косѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя прикрѣпляется къ

поясу и служить продолженіемъ ея. У пѣкоторыхъ въ „хўрэ“ вставляется до 6 мѣдныхъ дудочекъ; у прибрѣтеннаго экземпляра ихъ только 3. Цѣна 50 коп. сер.

4) Два „той пось торы“—мѣдный головной гребешекъ. Какъ нарядъ, носились прежде женщинами и мужчинами на ремешкахъ у поясовъ, на правомъ боку; теперь же почти вышли совсѣмъ изъ моды. Экземпляры—старинные. Цѣна отъ 3 до 5 коп. сер.

5) „Хорт носси“—ужовка, змѣйная головка (раковина). Нанизываются на „шульгемэ“ и на другіе паряды. (Въ чебоксарскомъ уѣздѣ эти раковины привозятъ татары изъ Москвы и продаютъ, крупныя—по 5 коп. сер. за штуку, мелкія—по 3 коп. сер.).

6) Дрѣ дѣтскія куклы (поганя). Изображаютъ свахъ въ свадебномъ поѣздѣ. Крышка отъ спичечной коробки на груди у одной замѣняетъ „шульгемэ“. Приобрѣтены въ деревнѣ Кильдишъ въ обмѣнъ на ситцевые лоскутья.

Невошедшія въ Словарь Н. И. Золотническаго чувашскія слова:

Агакъ шырзй—бисеръ.

Витрѣнь туррй—птичка; русское названіе не извѣстно.

Ырслѣнь—легендарный змѣй.

Копчага—мѣдный треугольникъ = ушко у шульгемэ для подвѣшиванія его къ сарпану.

Кубыл—мѣдная блѣстка, въ видѣ шляпы, съ круглой верхушкой и широкими полями; нанизываются на бисеръ. Экземпляръ см. на пыси туррй.

Лыба—корзинка изъ таловыхъ прутьевъ для сохраненія столовыхъ ложекъ.

Мужурла—парный, четный.

Нерѣть—вянтиры (рыболовный снарядъ); имъ ловятъ карасей въ Сьуда кўль).

Пўссир—неуступчивый.

Сьузѣ—кисточка безъ бисеру, бахрома (у сары, напр.).

Тўгелле—одиночный, нечетный.

Тўмеске—бугорокъ.

Хутламай—вагрушка съ загнутыми четвероугольникомъ краями.

Шаланга—птичка; русское названіе неизвѣстно.

Яраба—унизанная бисеромъ кисточка (въ ядр. у.).